ЯЗЫК
И ЛИТЕРАТУРА

К. А. Максимович

К УТОЧНЕНИЮ КОРПУСА ДРЕВНЕРУССКИХ ДОМОНГОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ С ГРЕЧЕСКОГО: СИНОДИК В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ[1]

Изучение русских домонгольских переводов с греческого языка, начатое трудами А. И. Соболевского и В. М. Истрина, в настоящее время обладает солидной теоретической и практической базой (в которую уместно включить и немалый опыт полемики с оппонентами)[2]. Лингвотекстологические методы локализации древних переводов, разработанные и усовершенствованные в России в начале и в конце XX в., оказались эффективным исследовательским инструментом и в настоящее время являются неотъемлемой частью научной методологии в области комплексного анализа древних переводных текстов. Настоящая статья посвящена лингвистическому изучению русской редакции византийского Синодика в Неделю Православия.

Синодик в Неделю Православия (далее — СНП) — это византийский канонико-литургический памятник, официальный документ Константинопольского (Вселенского) патриархата, датируемый 843 или скорее 844 г.[3] Первоначально содержание СНП сводилось к прославлению окончательной победы иконопочитателей над еретиками-иконоборцами при патриархе Константинопольском Мефодии I (843—847 г.). При этом славословия святым исповедникам и патриархам — защитникам икон чередовались с провозглашением анафемы еретикам. Канонический характер СНП обусловлен тем фактом, что в основу его

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 10-01-00628 а/Г).

[2] См. основные новейшие работы по этой теме: *Алексеев А. А.* Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 278—296; *Максимович К. А.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода «Пандектов» Никона Черногорца // XII Международный конгресс славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 398—412; *Алексеев А. А.* По поводу статьи Г. Г. Ланта «Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси» // ТОДРЛ. 1999. Т. LI. С. 442—445; *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000; *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001; *Максимович К. А.* Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов (по поводу нового издания «Пандектов» Никона Черногорца) // Русский язык в научном освещении. 2001. № II. С. 191—224; *Максимович К. А.* Заметки к дискуссии о древнерусских переводах с греческого // Русская литература. 2004. № 1. С. 57—73; *Пичхадзе А. А.* Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII Международный конгресс славистов. Доклады российской делегации. С. 475—488; *Ее же.* О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка [2001]. М., 2002. С. 232—249; *Ее же.* К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004—2005. М., 2006. С. 59—84.

[3] *Grumel V., Darrouzus J.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I. Fasc. II [s. 1.]. Paris, 1989. № 425. P. 71. Датировку Ф. И. Успенского, который относил издание Синодика к 842 г., следует считать устаревшей, ср.: *Успенский Ф. [И.]* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892 (переизд. 2001). С. 80, 83.

были положены официальные решения Константинопольского Поместного собора, который собрался в марте 843 г.[4] Литургический характер СНП проявляется в том, что он с 844 г. и поныне регулярно читается в православных церквах на праздник Торжества Православия в первое воскресенье Великого поста.

После своего создания СНП неоднократно подвергался редактированию, в ходе которого памятник был расширен упоминанием новых ересей и новыми анафематизмами в адрес еретиков. Таким образом, важнейшей особенностью СНП является то, что это один из немногих официальных церковных памятников с так называемой «открытой» рукописной традицией[5]. Результаты редактирования отразились в дошедших до нас греческих рукописях. Первая, так называемая «мефодиевская» редакция СНП середины IX в. не сохранилась.

Исчерпывающее исследование византийской рукописной традиции СНП вместе с критическим изданием текста по более чем 40 спискам принадлежит Ж. Гуйару[6]. Гуйар установил, что в 17 из сохранившихся греческих списков представлена вторая редакция СНП. Он обозначил эту редакцию литерой M (по названию византийской Македонской династии). По Гуйару, она делится на несколько разновидностей, датировки которых варьируют от рубежа IX–X до середины XI в.[7] В царствование Алексея I Комнина (1081–1118 г.) возникла еще одна, уже третья по счету, византийская редакция СНП – так называемая редакция C (Комниновская)[8]. Издание Гуйара является прекрасной научной базой для исследования переводов СНП на другие языки, в том числе славянские: русский, болгарский и сербский.

Изучение славянских переводов СНП имеет почтенную, почти полуторавековую традицию[9]. Уже во второй половине XIX в. было установлено, что все древнейшие славянские переводы опираются на вторую редакцию греческого СНП (ред. M)[10]. Новый импульс изучению славянского СНП придало издание Ф. И. Успенским «сводного» греческого и славянского текстов по нескольким спискам[11]. Два года спустя после Успенского Синодик издал по древнейшему русскому списку Е. В. Петухов[12]. К сожалению, издания Успенского и Петухова методически сильно устарели в свете новейших научных достижений (кроме того, первое из них изобилует опечатками). Поэтому пора ставить на повестку дня вопрос о новом, критическом издании древнерусского текста СНП. Выполнение этой задачи существенно облегчается благодаря недавней публикации болгарского «Синодика царя Борила» (начало XIII в.)[13], который имел много общего с древнерусской редакцией СНП[14].

[4] *Grumel V., Darrouzès J.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. № 416–418. P. 65–68.

[5] Подробнее см.: *Понырко Н. В.* Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Втор. пол. XIV – XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 339–344.

[6] Le Synodikon de l'Orthodoxie: édition et commentaire. Ed. J. Gouillard. Paris, 1967 (= Travaux et Memoires; 2).

[7] Там же. P. 14–21.

[8] Там же. P. 21.

[9] Первым исследованием на эту тему, насколько можно судить, является статья: *Палаузов С. Н.* Синодик царя Борила: Рукопись XIV века // Временник ОИДР. 1855. Кн. 21. Отд. 1. С. 1–22.

[10] *Понырко Н. В.* Синодик. С. 340 (с литературой).

[11] *Успенский Ф. [И.]* Синодик в Неделю Православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893. Более чем за 100 лет до Успенского русский текст СНП издал известный просветитель XVIII в. Н. И. Новиков, ср.: *Новиков Н. [И.]* Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание древностей Российских, до Российской истории, географии и генеалогии касающихся. СПб., 1775. Ч. VIII. С. 1–125; 2-е изд.: М., 1788. Т. VI. С. 420–506 [переизд.: Т. IV. Ч. VIII. Мышкин, 1896. С. 1–43, другая версия СНП издана на с. 44–61]. Издание Новикова имело не научный, а просветительский характер: в нем даже не указано, по какому списку (спискам) издан текст.

[12] *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. Ч. I. Судьбы текста Чина православия на русской почве до половины XVIII в. С. 1–79 (Публикация текста – с. 10–42).

[13] *Божилов И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. Издание и превод. София, 2010.

[14] *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. С. 52–61; ср. *Понырко Н. В.* Синодик. С. 340.

Русский СНП впервые упоминается в «Повести временных лет» под 1108 г. Здесь говорится: «В сем же лет[ѣ] вложи Бъ̃ в сердце Феоклисту игумену Печерьскому, и нача възвѣщати князю Ст̃ополку, дабы вписал Феодосья в сѣнаникъ. Радъ бывъ обѣщася и створи. Повелѣ митрополиту вписати в синодикъ, и повелѣ вписывати по всѣм епс̃пьямъ, и вси же епспи с радостью вписаша, и поминати и на всѣх зборѣхъ»[15].

В этом контексте слово «синодик» означает диптих, в который вносились имена почитаемых святых для поминания на литургии. Однако само слово «синодик» (букв. «соборник») отсылает нас к греческой традиции СНП, в которой слово συνοδικόν (по крайней мере, в это время) означало только СНП или любой другой документ, одобренный церковным собором. Таким образом, использование в Киеве уже в начале XII в. термина «синодик» свидетельствует о том, что византийский СНП в это время был известен на Руси, более того, активно использовался в разных епархиях как поминальный диптих[16]. Последнее, в свою очередь, означает, что уже в это время существовал его славянский (русский?) перевод.

Второе древнейшее упоминание о русском СНП содержится в уставе новгородского князя Всеволода-Гавриила (ок. 1135 г.): «а кто нашего родоу пограбить или отиметь, того повелѣхомъ вл(а)д(ы)цѣ съборомъ въ синаницѣ проклинати»[17]. В этом контексте совершенно определенно имеется в виду СНП, в котором, как уже было сказано, вечная память святым подвижникам чередовалась с проклятиями в адрес еретиков[18].

Оба контекста, восходящие к первой половине XII в., позволяют сделать вывод о том, что на Руси СНП стал известен еще в домонгольскую эпоху. Остается объяснить, какими путями текст второй редакции византийского СНП проник на Русь.

Согласно древнейшему свидетельству ПВЛ (Повелѣ митрополиту вписати в синодикъ), правом вносить новые имена в СНП обладал только глава Русской митрополии Константинопольского патриархата — (греческий) митрополит «Росии» (напомним, что именно так называлась эта митрополия в византийских документах). Из этого, на наш взгляд, с необходимостью следует, что византийский СНП, как официальный документ Константинопольской Церкви, вполне мог попасть на Русь в составе личной библиотеки одного из греческих митрополитов. С другой стороны, поскольку в русской редакции отражена вторая, докомниновская редакция СНП (ред. М), весьма вероятным выглядит предположение, что греческий текст СНП был привезен на Русь ранее вступления на византийский престол императора Алексея I Комнина (1081 г.). Эта датировка подтверждается и древнейшими русскими известиями.

Итак, только на основании данных греческой текстологии СНП и русских письменных свидетельств доставку СНП на Русь можно гипотетически датировать серединой или второй половиной XI в., а перевод на церковнославянский язык — второй половиной XI в., поскольку уже в начале XII в. он упоминается в ПВЛ как широко известный в русских епархиях — «епископьях».

Было бы, разумеется, очень желательно проверить эту гипотезу иными способами, например посредством лингвистического анализа сохранившихся русских списков. К сожалению, пока в нашем распоряжении нет критического издания древнерусского текста

[15] ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 283. Аналогичное сообщение есть и в Ипатьевской летописи (ср.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 259).

[16] *Понырко Н. В.* Синодик. С. 342.

[17] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 155. Редакция XIII в. по списку XV в.

[18] Другие упоминания СНП в русской книжности (XIV–XVII в.) приведены в Словаре русского языка XI–XVII в. (далее — СлРЯ XI–XVII). М., 2000. Т. XXIV. С. 153.

СНП, сделать это весьма затруднительно. Поэтому на данном этапе мы ограничимся лишь методическими соображениями, перечислением известных русских списков и отдельными наблюдениями над языком древнерусской редакции СНП.

Рукописей, в которых сохранилась древнейшая русская редакция СНП, известно немного.

1) Самая ранняя из них — это «Троицкая книга», названная так по иконе Св. Троицы, которая вставлена в верхнюю доску переплета[19]. Рукопись (пергаменный палимпсест) хранится в Москве (ГИМ. Син. 667) и состоит из двух неравных частей — условно говоря, «византийской» и «русской». «Византийская» часть (Л. 4—37) написана уставом, постепенно переходящим в полуустав, и содержит весьма буквальный перевод греческого СНП 2-й редакции (М). Именно по этому списку издавали СНП Н. И. Новиков[20], Ф. И. Успенский и Е. В. Петухов. Вторая, «русская» часть рукописи содержит поминания греческих митрополитов Руси (Л. 37 об. — 38 об.), епископов, игуменов, святых, чудотворцев (Л. 39—44 об.), великих князей и княгинь, а также граждан, погибших во время народных бедствий (Л. 45—85), особо помянуты последний византийский император Константин XII и все погибшие с ним во время взятия Константинополя турками в 1453 г. (Л. 85 об. — 86 об.), далее идут поминания убитых в воинских походах (Л. 87—100 об.), поминания убитых в походах на Казань 1548 и 1552 г. (Л. 101—126 об.), перед которыми помещены соответствующие исторические справки (Л. 101—101 об. и 111—113)[21]. В этой части также упоминаются и предаются анафеме русские еретики. Архим. Савва и Горский с Невоструевым датировали рукопись временем с конца XIV до XVII в.[22] В настоящее время первая часть рукописи датируется началом XV в., почерки второй части варьируют от XV до XVII в.

2) Другая русская рукопись СНП — список РГАДА. Ф. 196. Оп. 1 (Мазур.). № 289. Рукопись конца XV в. без начала, на л. 146—162 об. помещен СНП, переписанный предположительно с Син. 667[23].

3) Рукопись ГИМ. Син. 93 представляет собой конволют XVII и XVIII в. Список содержит две отличные друг от друга версии СНП — одна (Л. 537—569) включает как анафемы, так и вечную память, другая (очень похожая) содержит одни анафемы (Л. 578—598 об.). Обе версии имеют в конце одинаковое добавление против старообрядцев. Почерк XVIII в. По этому списку Ф. И. Успенский опубликовал ряд текстов, отсутствующих в Син. 667.

4) Список РНБ. Соф. 1058 (крупный полуустав, XVI в., новг.)[24]. Л. 1—65 + 1, в начале нумерация листов нарушена, восстановлена с л. 5. Основной почерк один, местами есть вставки другими почерками. Византийский Синодик охватывает л. 1—20, с л. 20 об. начинаются русские памяти.

5) Список РНБ. Соф. 1060 (скоропись XVII в., новг.)[25]. Л. 5 + 1—111 об. + 10. Византийский Синодик занимает л. 1—26, далее следуют русские статьи.

[19] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: описание рукописей Северо-Восточной Руси XII — нач. XV века. М., 1980 («Троицкая книга» — № 60).

[20] *Новиков Н.* Древняя Российская Вивлиофика. Т. VIII. С. 1—125; 2-е изд. Т. VI. С. 420—498.

[21] *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. С. 42—44.

[22] *Савва, архим.* Указатель для обозрения Московской Патриаршей, ныне Синодальной ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 248; *Горский А. [В.], Невоструев К. [И.]* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III. Книги богослужебные. М., 1917. Ч. 2. С. 460—461 (№ 558).

[23] *Дергачева И. В.* Типология Синодиков в русской письменности XV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 254—256; ср. *Дергачев В. В.* Вселенский Синодик в древней и средневековой России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3. С. 18.

[24] *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. С. 51.

[25] Там же.

6) Рукопись РНБ. F.п. IV.1[26] (так называемый «Новгородский Синодик» — перг., крупный парадный полуустав с легким наклоном). Л. 1—102 + 1, начало утрачено, л. 39—41 пустые. Орнаментальные украшения рукописи датируются временем не ранее XVII в. Византийский материал содержится на л. 16—22 (памяти), 67—72 об. (анафемы), 75—77. Остальной объем кодекса занимают русские памяти и анафемы.

Упомянутый Е. В. Петуховым в числе рукописей древнейшей редакции Синодика список РГАДА. Тип. 1331—443 (XVII в.)[27] в фондах Архива обнаружить не удалось.

При исследовании вопроса о происхождении русской редакции СНП целесообразно применить лингвистическую методику, разработанную нами с опорой на труды предшествующих ученых. Согласно этой методике, при анализе древнейших славянских текстов со спорным происхождением необходимо выявить в них праславянские лексические диалектизмы — восточнославянизмы (русизмы) или болгаризмы. Для отнесения той или иной лексемы к болгаризмам релевантна следующая совокупность признаков:

1) наличие лексемы в болгарских диалектах при условии ее бытового (нецерковного) характера;

2) отсутствие в (старо)чешском, словацком, (старо)сербохорватском, словенском и восточнославянских языках (прежде всего в диалектах);

3) невыводимость лексемы из средневековой латыни или древневерхненемецкого (в этом случае лексема будет представлять собой не болгаризм, а моравизм или паннонизм);

4) наличие славянской, тюркской или греческой этимологии (в последнем случае релевантно только непосредственное заимствование);

5) отсутствие лексемы в ранней западнославянской книжности (исключение: грецизмы кирилло-мефодиевской традиции).

Для локализации переводных славянских памятников на восточнославянской территории или их атрибуции носителю древнерусского языка необходимы и достаточны следующие условия:

1) наличие в тексте языковых русизмов, имеющих исконный характер (такой характер доказывается критико-текстологической методикой анализа первичных и вторичных рукописных чтений);

2) отсутствие в тексте исконных языковых болгаризмов (лексем, отмеченных только в надежно локализованных болгарских памятниках и современных диалектах)[28].

Язык древнейшей русской редакции СНП остается до сих пор неизученным. Сделанное Е. В. Петуховым беглое описание техники перевода дает очень мало оснований для датировки и локализации перевода, что признает и сам автор[29]. В самом деле, Синодик представляет собой текст высокого, богословского жанра, в котором диалектные слова, как правило, не употреблялись. Ниже мы рассмотрим некоторые характерные богословские или абстрактные термины древнерусской редакции (слова помещены в алфавитном порядке, ссылки даются на лист и строку древнейшего списка Син. 667 и страницу издания Ф. И. Успенского).

Велѣние δόγμα ‘догмат, вероучительное определение’ (Л. 4 об. 1, Усп. 1). В данном значении слово лишь изредка встречается в болгаро-преславской и древнейшей русской книжности (Древнеболгарский номоканон по версии Ефремовской кормчей XII в., служебные минеи XI в.). В охридской книжности («Ильина книга») в этом значении употреблялось заимствование **догматъ**[30].

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Подробнее см. библиографию в прим. 2.

[29] *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. С. 45—51.

[30] Словарь древнерусского языка (далее — СДРЯ) XI—XIV в. М., 1988. Т. I. С. 391; *Верещагин Е. М., Крысько В. Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 3—26; № 3. С. 41.

Възображение τύπος ‘образ, отображение’ (Л. 14 об. 1, 22 об. 5; Усп. 7, 12). В древнейшей книжности слово встречается только в болгаро-преславских и древнерусских переводах, использующих преславскую традицию, — Древнеболгарском номоканоне (Ефремовской кормчей), Житии Феодора Студита, «Пандектах» Никона Черногорца, 14 словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, Житии Варлаама и Иоасафа[31].

Дивьство φεῦ ‘увы! ах! ого!’ (междометие, выражающее горе, гнев, восторг, отвращение), зд. ‘фу!’ (Л. 28.9; Усп. 14). В древнейшей книжности слово зафиксировано только в значении ‘зрелище’ (spectaculum) и лишь один раз — в Никодимовом евангелии, переведенном с латыни в Моравии[32]. В значении ‘чудо’ слово употреблялось и в южнославянской книжности XV—XVI в.[33] Таким образом, словоупотребление СНП является уникальным. Скорее всего, здесь мы имеем дело с неточным переводом «о чудо!» вместо более уместного в контексте описываемой ереси Геронтия Лампийского возгласа отвращения «фу!». В тексте Борилова Синодика здесь стоит верный перевод **оувъı мнѣ**[34].

Образованиє εἰκόνισμα ‘изображение’ (Л. 23.11; Усп. 12). Слово встречается в этом значении в чешском Житии Вячеслава, в «Богословии» Иоанна Экзарха, древнерусском Юрьевском Прологе XIV в.[35]

Пѣниє ὕμνος ‘хвалебная песнь, гимн’ (Л. 5.8; Усп. 2). Данная лексема имеет архаический характер — встречается в древнейших апостолах, Псалтыри, моравском переводе «Бесед» папы Григория Двоеслова, Синайском евхологии, «Пандектах» Антиоха, Прологе XVI в.[36] В целом слово характеризует, по-видимому, архаичный преславский узус, сохранивший некоторые западные (кирилло-мефодиевские) черты.

Сѫтитель ἀρχιερεύς ‘архиерей’ (Л. 18.12; Усп. 9). Слово **сѫтитель** в значении ‘епископ’ является, по-видимому, мефодиевским изобретением и коррелирует с термином **свѧщєникъ** ‘иерей’ по признаку активности действия (тот, кто освящает — тот, кого освящают). В СНП оно употребляется в синкретическом значении — ‘епископ’ и ‘святой епископ’ (в последнем значении оно употребительно в наши дни). Во втором значении оно встретилось в Апостоле, Супрасльской рукописи, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях, паннонском Житии Мефодия, Житии Феодора Студита, Стихираре XII в., Успенском сборнике XII—XIII в.[37] Все эти памятники (кроме Жития Мефодия) являются продуктами переводческой деятельности преславской книжной школы. Таким образом, и это слово можно считать лексико-семантическим преславизмом, имеющим кирилло-мефодиевские корни.

Съписаниє ἱστορία εὐαγγελική ‘(евангельское) повествование’ (Л. 4об. 8, Усп. 2). В данном значении слово встретилось также в Супрасльской рукописи, Изборнике

[31] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. С. 393; СДРЯ XI—XIV в. М., 1989. Т. II. С. 198—199 (Зн. 3).

[32] *Kurz J., Hauptová Z. (ed.).* Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha, 1958. T. I. S. 480.

[33] *Miklosich F.* Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatun auctum. Vindobonae, 1862—1865. P. 161.

[34] *Божилов И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. С. 112.17.

[35] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Стб. 539; Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1973. T. II. S. 484; СДРЯ XI—XIV в. М., 2002. Т. V. С. 522; СлРЯ XI—XVII. М., 1987. Т. XII. С. 138.

[36] *Miklosich F.* Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. P. 760; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. III. Стб. 1783; Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1982. T. III. S. 524; СлРЯ XI—XVII. М., 1988. Т. XIV. С. 191.

[37] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 304; Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1997. T. IV. S. 40; СлРЯ XI—XVII. М., 1996. Т. XXIII. С. 207.

1073 г., XIII словах Григория Богослова, т. е. в памятниках, ярко представляющих преславскую книжную школу. Из них оно перешло в древнекиевскую литературу (Несторово Житие Феодосия)[38].

Съставъ ὑπόστασις 'ипостась' (Л. 12. 7; Усп. 6). Слово представляет собой частичную кальку с греческого. Характерно для преславского книжно-богословского узуса, встречается в Синайском Евхологии и Супрасльской рукописи, Чудовской Псалтыри XI в., служебных минеях XI в., Древнеболгарском номоканоне (Ефремовской кормчей), Словах Афанасия Александрийского на ариан, «Богословии» Иоанна Экзарха, а также в древних русских памятниках — Послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху, Житии Андрея Юродивого, «Пандектах» Никона[39].

Рассмотрение абстрактной лексики показало, что она имеет преимущественно древнеболгарское (преславское) происхождение, полностью соответствует древнерусской (исконно — древнеболгарской) книжной норме и поэтому не может служить основой для локализации перевода. Для решения этой проблемы можно попытаться исследовать не книжную, а нейтральную лексику памятника.

Так, весьма показательно в этом плане употребление в прологе древнерусского СНП характерного общеславянского архаизма **весна** (Усп. 3). В болгарском Бориловом Синодике ему соответствует болгаризм **пролетие**[40], который можно сопоставить с современным болг. прòлет 'весна'. Интересно, что в том же месте СНП **весна** употребляется еще раз, причем в обеих редакциях, а именно в цитате из Пс. 73: 17: «Жатву и весну ты создал я еси». При этом в болгарской версии вместо архаичного **жатвоу** стоит инновация **лѣто**. Как нам представляется, наличие в русской редакции старых, еще кирилло-мефодиевских лексем **жатва** и **весна** во всяком случае свидетельствует о большей архаичности языка этой редакции по сравнению с болгарским Синодиком Борила.

Особо следует остановиться на слове **съсловие** κατάλογος 'чин, разряд' (Л. 27 об. 10; Усп. 14). Это слово представляет собой, как будто, буквалистскую кальку с греческого σύλλογος (вар. κατάλογος). В древнеболгарской книжности оно не встречается, найдено только в поздних сербских текстах — минее Михановича XVI в., прологе на июнь-сентябрь 1572 г., прологе на март-август XVII в., а также (в соответствии с греч. σύλλογος) в русской Триоди[41]. В древнерусских памятниках зафиксировано уже в XIII в. (Житие Авраамия Смоленского). Таким образом, слово **съсловие** является единственной достаточно древней лексемой русской версии СНП, не отмеченной в болгарских памятниках. Этот факт представляется весьма важным для датировки и локализации древнерусской версии СНП.

Особенно важно отметить, что в болгарском Бориловом Синодике это место испорчено — вместо выражения **съсловие клиричьское** (κατάλογος κλήρου) здесь стоит не имеющее никакого смысла **по словоу жрѣвии** (9а7–8)[42], где κατάλογος, очевидно, было по ошибке переведено как предложное сочетание κατὰ λόγον. Данная переводческая ошибка позволяет сделать вывод, что, во-первых, русская версия СНП первична по отношению к болгарской и, во-вторых, что в данном случае болгарский Синодик не зависит от русской редакции, а является продуктом переводческой деятельности болгарского книжника.

[38] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 792; Slovník jazyka staroslověnského. T. IV. S. 322; СлРЯ XI–XVII. М., 2006. С. Т. XXVII. 35–36.

[39] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. Стб. 826; Slovník jazyka staroslověnského. T. IV. S. 338; СлРЯ XI–XVII. М., 2002. Т. XXVI. С. 199.

[40] *Божилов И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. С. 92.4.

[41] *Miklosich F.* Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. P. 361, 362; Словарь церковно-славянского языка, составленный А. Х. Востоковым. СПб., 1861. Т. II. С. 214.

[42] *Божилов И., Тотоманова А., Билярски И.* Борилов Синодик. С. 112.

О последнем свидетельствует также различающийся в русской и болгарской версиях перевод греч. ἐπαγγελλομένοις ‘обещающим’ во втором параграфе главы против Иоанна Итала. В древнерусском СНП эта форма корректно переводится как **обѣщавшимъсѧ**, а в Бориловом Синодике здесь стоит загадочное **въвѣщажщихъсѧ** (10а15)[43]. Неясное по смыслу чтение Борилова Синодика представляет собой неудачную (однако вполне самостоятельную) попытку поморфемного калькирования греческого слова: приставка ἐπ- передана как **въ-**, а основа -αγγελ- – как производное от **вѣщати** ‘извещать, возвещать’. Таким образом, и здесь болгарский переводчик демонстрирует самостоятельность своих переводческих решений. Эти примеры можно продолжить — соответственно, не может быть сомнений в том, что русская и болгарская версии в целом не зависят одна от другой. При этом русский перевод демонстрирует языковые архаизмы в тех местах, где болгарский текст содержит инновации.

Итак, предварительное рассмотрение некоторых ключевых лексем древнейшей русской редакции СНП показало, что почти все они относятся к болгаро-преславской книжной традиции. Единственным исключением является слово **съсловиѥ**, не отмеченное в ранней книжности южных славян. Происхождение этого слова пока не выяснено, поэтому сейчас рано делать выводы о том, насколько оно важно для локализации древнейшей славянской редакции СНП. Слова, характерные только для русских диалектов (русизмы), в древнейшем списке СНП отсутствуют. Нет в древнерусском СНП и болгарских слов, не вошедших в древнерусскую книжную норму (так называемых «лексических болгаризмов»). Следовательно, для решения вопроса о месте древнейшего перевода СНП с греческого языка необходимо тщательно изучить вариантные чтения по другим спискам. Данную работу целесообразно провести в рамках подготовки нового критического издания древнерусского СНП с привлечением данных болгарской и сербской редакций. Это, возможно, позволит внести необходимые уточнения в наши представления об архетипе русского текста. До тех пор происхождение древнейшего славянского перевода СНП можно связывать с Киевской Русью лишь предположительно, хотя и с большой степенью вероятности.

Ближайшей задачей исследования должно стать тщательное сопоставление техники перевода русского СНП и болгарской редакции царя Борила. Дальнейший сравнительно-языковой анализ двух переводов Синодика, без сомнения, даст новый материал для интересных наблюдений и выводов.

[43] Там же. С. 114.